

**К 245-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВИДНОГО ОТЕЧЕСТВЕННОГО
СТАТИСТИКА К.Ф. ГЕРМАНА**

А.Л. Дмитриев, канд. экон. наук
*Санкт-Петербургский государственный университет
экономики и финансов*

16 сентября 2012 г. исполнилось 245 лет со дня рождения Карла Федоровича Германа (1767-1838) - выдающегося отечественного статистика, первого руководителя государственной статистической службы - Статистического отделения Министерства полиции, одного из зачинателей статистической науки в России.

Жизни и трудам К.Ф. Германа посвящено немало работ. Наиболее подробный разбор его взглядов на статистику, как науку, содержится в работе М.В. Птухи [1]. Вклад К.Ф. Германа в экономическую географию и районирование был подробно проанализирован в статье Б.А. Вальской [2]. Не раз «Вестник статистики» и «Вопросы статистики» публиковали статьи о творческом наследии Карла Федоровича [3, 4].

Тем не менее о Германе как человеке и педагоге написано совсем немного. Одно из свидетельств о нем принадлежит перу его друга - Александра Васильевича Никитенко (1803-1877). Воспоминания Никитенко, опубликованные в газете «Северная пчела» вскоре после кончины Германа, давно стали труднодоступными для исследователей. Несколько слов об авторе воспоминаний.

А.В. Никитенко - историк русской литературы. Будучи выходцем из крепостных графа Шереметева, Никитенко первоначальное образование получил в Воронежском уездном училище. Но путь в университет для него был закрыт, как крепостному. В 1822 г. в Острогоске, где он перебивался частными уроками, было открыто отделение «Библейского общества», и его секретарем был избран Никитенко. Он выдвинулся речью на торжественном собрании 1824 г., о которой было доложено президенту общества, князю А.Н. Голицыну. Вскоре, благодаря помощи В.А. Жуковского, А.В. Никитенко получил вольную. В 1825 г. он поступил в Петербургский университет, где во время обучения был уличен в «знакомстве» с декабристами. В 1828 г., окончив курс кандидатом по историко-философскому факультету, Никитенко, благодаря статье «О преодолении несчастий», опубликованной в журнале «Сын Отечества», вошел в доверие попечителя Петербургского учебного округа К.М. Бороздина и стал его секретарем.

После неудавшихся попыток занять кафедру естественного права и политической экономии в Петербург-

ском университете Никитенко с 1832 г. стал адъюнктом по кафедре русской словесности, а в 1834-1864 гг. был профессором по этой же кафедре. Читал также лекции по русской словесности в Римско-католической духовной академии, в 1839-1841 гг. редактировал журнал «Сын Отечества». В 1836 г. получил степень доктора философии за диссертацию: «О творческой силе в поэзии или поэтическом гении».

В 1855 г. Никитенко был избран академиком Императорской Академии наук. С 1833 г. выполнял обязанности цензора. В 1860-1865 гг. он - член Главного управления цензуры. В конце 1850-х годов Никитенко редактировал «Журнал Министерства народного просвещения»; был членом, а с 1857 г. - председателем Театрального комитета.

«Главная культурно-общественная заслуга Никитенко определяется деятельностью его в качестве сравнительно очень просвещенного цензора, оказывавшего иногда незримые, но существенные услуги литературе», - отмечал автор статьи о Никитенко в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона [5, с. 77].

А.В. Никитенко - автор известных работ: «Речь о критике» (1842), «Опыт истории русской литературы» (1845). Наибольшую известность принес Никитенко «Дневник», вышедший отдельным изданием в 1893 г., который он вел в течение 51 года.

Следует отметить, что в «Дневнике» Никитенко К.Ф. Герман упомянут несколько раз и его оценки несколько расходятся с теми, что содержатся в «Воспоминаниях» и публикуются ниже. Так, в записи от 2 декабря 1830 г. читаем: «Он из числа тех профессоров, которые были Магницким и Руничем изгнаны из университета. Этот человек умен и учен. Говорит по-русски худо, но охотно. Он долго меня продержал, был приветлив и порешил определить меня в институт» [6, с. 275]. В записи от 9 февраля 1831 г. отмечено: «Вчера был я у Германа и тотчас заметил, что обращение его со мной переменилось: он сделался как-то суше и принужденнее. За ужином, впрочем, он, как и всегда, посадил меня около себя, но это оказалось не без умысла. Он прочел мне длинное наставление о том, что лекции мои

в институте должны быть сколь возможно кратче; что, читая их, я не должен слишком вдаваться в теоретические исследования и блистать высотой или новизною идей; что с девицами надо сколь возможно избегать учености и т. д. Что же? Достопримечательный господин Герман, может быть, и прав, но в словах его противоречие. И он, и помощник его, Тимаев, сначала требовали, чтобы в первом отделении я не стеснялся, распространялся, как хочу» [6, с. 282]. В дневниковой записи от 7 января 1833 г. Никитенко констатировал: «Сегодня в 5 часов утра приехал с балу от Германа. Там было много монастырок. Они все так ласковы ко мне... Старик Герман оканчивает аристипповски свое земное поприще. Он умен, любезен по-своему, хитер. С ним были у меня маленькие размолвки, но теперь он, кажется, перестал на меня посягать» [6, с. 307]. И наконец, последняя запись датирована 26 декабря 1838 г.: «В четверг был на похоронах. Умер Карл Федорович Герман, академик и инспектор Смольного монастыря и Екатерининского института. Это был человек выше обыкновенных. Я намерен написать его биографию» [6, с. 393].

К сожалению, пока не удалось найти портрета К.Ф. Германа, зато в 2010 г. была обнаружена его заброшенная могила на Волковском лютеранском кладбище в Петербурге. В 2011 г., в связи с 200-летним юбилеем российской государственной статистики, силами Росстата она была восстановлена. Тем не менее предстоит еще многое сделать для увековечения памяти К.Ф. Германа. Прежде всего - это переиздание его работ.

Литература

1. Птуха М.В. Очерки по истории статистики в СССР. М., 1959. Т. 2.
2. Вальская Б.А. Карл Федорович Герман // Экономическая география в СССР. История и современное развитие. М., 1965.
3. Афанасьев В. К 190-летию выхода в свет первого тома Статистического журнала в России // Вопросы статистики. 1996. № 8. С. 69-71.
4. Афанасьев В., Пятов М. Хронология одного обвинения, или «дело четырех профессоров» в судьбе К.Ф. Германа // Вопросы статистики. 1998. № 12. С. 57-62.
5. [Чешихин В.Е.] Никитенко Александр Васильевич // Энциклопедический словарь / Издат. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. СПб., 1897. Т. 21.
6. Никитенко А.В. Дневник. М., 2004. Т. 1.

ВОСПОМИНАНИЕ О КАРЛЕ ФЕДОРОВИЧЕ ГЕРМАНЕ*

А.В. Никитенко

Если какая-либо жизнь стоит памяти людей, то это, без сомнения, жизнь, посвященная образованию их юности. В ней все подвиг, и подвиг высокой творческой цены: возделывая мысль и волю, он полагает основу тому, чему быть или не быть в нравственных нуждах и судьбах поколения. Признаем ли мы после с благодарностью, или отвергнем власть ума, которая была для нас некогда источником всяких убеждений - все равно: как принятая нами пища должна превратиться в плоть и жизненные соки, так убеждения сии, против нашей воли, вращаются в душу и составят часть ее; мы не властны уже истребить их, как не властны в каплях обращающейся в нас крови уничтожить по произволу ту или другую.

Царственное владычество ума над умами есть дело высочайшего нравственного призвания и вместе роковое испытание его правоты. Посему, конечно, нет могущества, которым мы были бы вправе более гордиться и которое в то же время возлагало бы на нас более ответственности, как могущество, устрояющее нравственную будущность других.

Карл Федорович Герман был одним из людей, готовых, по внутреннему призванию, целую жизнь обречь сему великому общественному служению, и один

из людей, совершающих его с достоинством, к какому способно истинное дарование, и с добросовестностью, отличающего высокую простоту и целомудрие сердца. На ступени общества, которая многим кажется слишком скромною, потому что она сияет одним блеском ума, он принес отечеству драгоценнейшую дань - свежие, возвращенные им плоды науки. Мы хотели бы представить полное изображение его жизни и деятельности, а это, вероятно, было бы любопытно для всех мыслящих, считающих славу умственных успехов лучшей славой на земле. К сожалению, мы так мало имеем материалов для удовлетворительной его биографии, что должны довольствоваться только краткою характеристикой.

Карл Федорович Герман родился в Данциге 1767 года сентября 5-го. Отец его находился в Прусской службе в чине надворного советника. Вероятно, многие испытанные им огорчения ожесточили несколько его характер и сделали недоверчивым к общим понятиям о жизни, назначении человека и средствах упрочивать его благосостояние. Это, кажется, было главною причиною, почему он сначала решился было не возбуждать в сыне своем никакого порыва к высшему существованию и хотел заключить его будущность в

* Печатается по: Северная пчела. 1839. 22 сент. № 213. С. 851-852; 25 сент. № 214. С. 855-856.

пределы простого звания. Он полагал, что счастье мирной доли стоит пожертвования даже некоторыми преимуществами ума, изощренного для истины и открытого для принятия ее уроков, блестящих и опасных. Вышло, однако ж, противное его желанию. Маленький Герман обнаруживал такие способности и столько страсти к учению, что после довольно жаркой борьбы, наконец, надобно было уступить его стремлениям, и когда подстрекаемый каким-то неукротимым инстинктом любознания он покусился однажды убежать из родительского дома, чтобы вступить в школу, то положительно уже было решено тщательнее заняться его воспитанием. Окончательное образование он получил в Геттингенском университете, где преимущественно занимался историей, статистикой и камеральными науками. Знаменитый Шлецер был одним из любимых его наставников, и Герман, как сам он признавался, от него в особенности получил навык к строгому и точному анализу в ученых исследованиях. В 1795 году, по приглашению камергера Д.А. Гурьева, бывшего впоследствии министром финансов, он прибыл в Петербург, чтобы заняться воспитанием его детей, и в то же время вступил в русскую службу учителем в Морском кадетском корпусе. Отличный дар преподавания и обширные сведения скоро доставили Герману блестящую известность в столице, на поприще воспитания и в ученом кругу. В 1798 году он был сделан ректором Гимназии, находившейся тогда при Академии наук, а в 1805 [году] адъюнктом политической экономии и статистики в последней. Вслед за тем, в 1806 году, ему вверена была кафедра статистики в Педагогическом институте, которую он занимал и после преобразования сего заведения в Университет, до 1824 года. Сверх этих трудов Министерство внутренних дел возложило на него должность начальника Статистического отделения, коего и самому учреждению он много содействовал. Должность эту отправлял он почти до самой смерти, разделяя в то же самое время труды Академии наук в звании экстраординарного, а с 31 января 1836 года - ординарного академика.

Многосторонняя ревностная служба Германа была отличаема милостями и щедротами монаршими. Кроме полученных им в разные времена награждений деньгами и подарками, он имел чин действительного статского советника и был украшен орденами Св. Анны 2-й степени с алмазами, Владимира 3-й степени, Станислава 2-й степени со звездой и знаком отличия беспорочной службы за XXXV лет.

В 1819 году несколько любителей наук, из людей почтенных и заслуженных, возбужденные профессорскою знаменитостью Германа, пожелали беседами его распространить и пополнить свои познания. По их просьбе он открыл особенный курс публичных лекций о статистике и политической экономии. Слушатели его были не только люди образованные, зрелые умом и

опытом, но образованием своим уже действовавшие с честью на общество. Герман вполне оправдал их доверенность и ожидания: одушевляемые и руководимые им, они почерпнули новые силы в науке, обнимающей важнейшие задачи государственной жизни и благоденствия народов.

Ученые беседы Германа, по единодушному отзыву его учеников, отличались вообще какою-то оригинальною увлекательностью: это не было блестящее и потрясающее красноречие, быстрота, ловкость и остроумная изворотливость мысли и слова; это была какая-то пластическая осязательность речи, простота, проникнутая величием общей господствующей идеи, победительная крепость и вместе гибкость логики, связывающей и разлагающей понятия самые разнообразные с неподражаемым диалектическим искусством, без торпливости, с полным присутствием духа, с полною властью ума, самодержавно повелевающего своим предметом. Тут были не слова и не самые отвлеченные идеи, но самые вещи в природной своей силе, в красоте одной своей сущности, размещаемые и движимые искусною рукою так естественно и свободно, что, казалось, будто они сами исходили пред вас из глубины природы и жизни. Таково красноречие мужей. Столь благопоспешное, здравостройное движение науки, без сомнения, есть лучший залог ее успеха и власти над душою людей, и не удивительно, что пользовавшиеся наставлениями Германа всегда вспоминали о нем с глубокою признательностью: они научились у него уважать науку. Герман принадлежал к той школе ученых, которые строгий и отчетливый анализ предпочитают синтетическому построению теорий и систем. Но умев избежать одной крайности, слишком пылкой и неосторожной доверчивости к идеям, он так же был далек от другой, от пошлого, столь же одностороннего эмпиризма, покушающегося создать учение, без общих и вечных истин из одних обломков жизни. Это был один из тех крепко организованных умов, которые с одинаковою неистощимостью сил способны жить в самых мрачных пропастях, куда спускается человек для отыскания истины, и дышать пронзительным горным воздухом на крайних высотах творения. Он полагал, что всякое познание, приемля материалы от жизни, получает от ума только форму, и снова возвращается к жизни в богатых применениях к важнейшим интересам ее, к развитию и устройству нравственно-разумного порядка между людьми и гармонии их волей. Отсюда, очевидно, исключались все априорические произвольные начала с их произвольными выводами. Все сие, говорил он, расширяет пределы ума в бесконечность, но не дает человечеству никакой жатвы, кроме удостоверения в диалектической внутренней мощи умственных отправлений. Но что же мощь эта с ее способностью сдвигать и передвигать огромные массы понятий? Гимнастическая игра без действительных битв и побед. В

тех науках, какими занимался Герман, важных по непосредственному их отношению к обществу, но, может быть, слишком легко соблазняемых блестящею роскошью теорий, более чем где-либо надлежало быть осмотрительным. Надобно было уметь отделяться от вещей, и стать на высоту, недоступную их бурным, эмпирическим тревожениям, где, обыкновенно, столь печально погибают высшие соображения и жизни в науке; но в то же время надлежало всегда иметь око зоркое и отверстое на вещи, чтобы они не смешивались с тенями, созданными поверх их воображением пылких, но неразумных поборников истины. Герман в высокой степени обладал способностью соединять обширные виды общего взгляда с подробностями и разнообразием явлений. Неистощимое богатство и многосторонность его сведений были истинно изумительны; он умел столько же собирать их, как и распоряжаться ими. Вблизи от могилы, он одушевлялся еще ревностью к истине, и с теплым участием следил за всеми замечательными явлениями в области жизни, науки и литературы, не исключая даже легкого, умного стихотворения, если оно, вопреки обычаю наших юных гениев, появлялось в современной русской поэзии. Один упрек можно сделать его памяти, что он неохотно общал свету глубокомысленные ученые свои наблюдения и изыскания. От него остались нам одни отрывочные трактаты об отдельных предметах статистики и политической экономии. Важнейший труд его есть Руководство ко всеобщей теории статистики, изданное в 1808 году, и после несколько раз перепечатанное. Это был первый основной камень для создания в России статистики, как науки, и по справедливости, с Германа надобно начинать историю ее в нашем отечестве. Заслуги гг. Зябловского, Гейма, Арсеньева и других, весьма важны: им принадлежит слава обработки и развития у нас сей отрасли познания; но законодательная, так сказать, часть ее, утверждение идеи и устройство ее формы есть подвиг Германа.

Вот прочие его труды:

1) *Umfangsgrunde der Deutschen Sprache* von G.T. Herrman, Lehrer an dem adeligen Land-Kadettencorps. St. Petersburg. 1803. 8.

2) *Geschichte und gegenwartiger Zustand des Forstwesens in Russland*. В IV и V т. повременного издания: *Russland unter Alexander dem Ersten. Eine historische Zeitschrift herausgegeben von H. Storch*.

3) *Geschichte und statistische Beschreibung der russischen Seemacht*. Там же и VI-VII т.

4) *Beitrag zur Charakteristik der französischen, österreichischen und russischen Heere*. Т. VI.

5) В этом же издании были напечатаны статьи о крестьянских училищах в Лифляндии, и о Суворове.

6) Литература статистики.

7) Статистический журнал. IV части, в 8 д., 1806-1808 г.

8) Статистическое описание Ярославской губернии. С.Петербург. 1808 г.

9) Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа, заимствованное из путешествия академика И.А. Гильденштедта... издано по распоряжению Академии наук. 1809 г. 8.

10) Статистические исследования относительно Российской империи. Ч. 1. О народонаселении С.-Петербурга. 1809 г. 8.

11) Разные сочинения, напечатанные в Трудах Академии наук.

Еще во время службы своей при Университете, Герман удостоился особенного внимания в Бозе почивающей Государыни императрицы Марии Федоровны, которая в просвещенной материнской заботливости о воспитании девиц в России, изыскивала все средства к улучшению своих заведений, считая, по справедливости, важнейшим из них выбор и покровительство достойных наставников. По Ее высочайшей воле, в 1820 году Герман был определен инспектором классов в Обществе благородных девиц и Училище Ордена Св. Екатерины. Здесь открылось совершенно новое поприще для его педагогической деятельности. До сих пор он стоял на академической высоте, где наука является во всем развитии своего духа и механизма, увенчанная всеми результатами и вооруженная, как Минерва, всеми своими тяжелыми доспехами; теперь представилась ему другая сфера, где дары науки должны расцвести без видимого присутствия; где, совлекшись жесткой плоти и костей, она должна благотворить одним своим духом, светом и теплотою. Мы говорим о наших женских учебных заведениях. Здесь женщина принимает раскрытой душой все нравственно человеческое, и, освятив прелестью чувства то, что воздвигнуто на земле другими духовными силами, довершает тем самым великое творение общественной жизни - довершает образованность. Бессмертно Августейшее имя той, которая восхотела употребить моральную силу женщины для развития в общественном нашем духе истинных начал высшей, просвещенной гражданственности, и которая сделала ее одним из орудий великого народного перерождения. Герман понимал и это высокое назначение женщины, и способ, какому надобно следовать в воспитании, чтобы этим народным путем приблизить ее к нему. Он знал, что перед нею должен господствовать более дух учения, чем строгая система, более чувство, чем холодная логика ума. Действуя усердно вообще на усовершенствование метода преподавания, он старался сколь возможно более развивать его специальный характер. Он требовал, чтобы по каждой науке, принятой в заведении, были сообщаемы воспитанницам полные сведения, но без школьного формалитета и мелочных подробностей. Часто, посещая классы, он, для примера наставникам, излагал сам какую-нибудь часть науки. Нельзя было смотреть без

умиления, как этот старец, в голове коего, увенчанной сединой и честью, сложилось и устроилось столько высоких соображений о человечестве и народах, как он умел легко и непринужденно войти в ум и сердце юных питомцев; как умел он каждую мысль, парящую в высших областях науки, уловить, свести оттуда и поставить перед ними, так сказать, лицом к лицу. Нередко самое строгое и отвлеченное понятие из счастливо-го примера, из остроумного сближения с предметами живыми и поразительными, или из одного удачного намека, выходило у него ясным, улыбающимся, доступным - и его принимали ласково те, которые без этого, за школьную угрюмость непременно заплатили бы ему презрением, или постарались бы стереть его с своего ума, как пятно со своего передника. Его беседа с этими гибкими, цветущими, радужными умами была действительно торжеством педагогической стратегии, производившей маневры свои с такою ловкостью, что победа над ними была решена и прежде, чем они успевали приметить ее возможность. Ошибаются те, которые думают, что учить, значит только удовлетворительно излагать науку: это половина труда; другая, не менее важная, состоит в том, чтобы связать науку с личными интересами учащихся, с современными нуждами их сердца и воображения, с надеждами их собственного любознательного, а нечуждого их ума. Ведь они живут, и живут, какою, еще роскошною жизнью, а вы хотите, чтобы они только учились. Но они должны работать для будущности, говорите вы; работать они будут, только не требуйте, чтобы они возделывали эту отдаленную будущность ценою всего своего настоящего. Не поступайте так, как поступают некоторые умозрители, смело обрекающие в своих системах целые поколения (за исключением самих себя) на жертву великолепному благу и усовершенствованию грядущего человечества. Всякому и всему свое. Почти всегда юные умы становятся враждебными против идей науки, совершенно чуждых сфере их существования, и важных только отдаленными своими следствиями. И чуть-то особенно нужно искусство, нужна педагогика, а не простое учение. Маневрируя, так сказать, она держит их в повиновении среди разных извилистых понятий, откуда бы им очень хотелось убежать на цветущую и правильную почву жизни, держать их до тех пор, пока результаты, расцветающие из безобразного корня начал, прикуют их к науке сами обилием своих сочных и питательных плодов. Вот почему преподаватель художник должен, кроме идей своей науки, всегда иметь готовый запас свежих идей жизни, чтобы, кстати, посылать их в помощь всему отвлеченному, когда оно начнет робеть и тереться от натиска молодых, жизнелюбивых умов. Один Сократ, может быть, знал вполне великую тайну здоровой педагогики, и его способ принадлежит к самым благотворительным открытиям для человечества. Герман всегда с боль-

шим успехом употреблял сократический способ, о котором впрочем, так много говорят, считал его, без сомнения, очень простым и легким, и который понимают весьма не многие, потому что он легок и прост для одних наставников, природою, а не школою призванных к своему служению.

Вот некоторые черты из нравственной физиономии Германа. Карл Федорович был человек, на которого нельзя было смотреть только как на члена известного круга и сословия людей; по любви к своему призванию, он вполне принадлежал этому сословию, и был, как мы видели, его украшением; но, по обширности своего взгляда на вещи, по глубоким убеждениям сердца, он был более чем человек науки - он был человек. В самом деле, из того, как он жил и мыслил, видно, что он созидал себя не по одному размеру долга, предписанного ученому. Иные любят свое звание, как ремесло; другие. По особенному устройству своего духа, находят в нем удовлетворение всем целям жизни; некоторые, или немногие, наконец, свой обширный общественный пост считают только средством для высшего служения человечеству, и к сим-то немногим принадлежал Герман. Не удивительно, если у людей, так называемых, образованных, мы находим, в вечной суматохе страстей их, несколько благородных наклонностей, несколько порывов добра и истины: это доказывает только, что добро и истина, также как и все прочее, принадлежат к системе человеческих начал. Притом мы все бываем один раз в жизни превосходными людьми, в ту эпоху, когда избыток жизненных сил делает нас столько же расточительными на благие намерения, как на деньги и здоровье. Если вблизи нас не достает для надежд наших добра, которое бы укрепляло нашу веру во все прекрасное и великое на земле, мы творим его сами бодрою силою не притупленного чувства и жаркой фантазии, и дело кончено, пока мы в ладу с судьбою; наше легкомыслие спасает на несколько мгновений для нас добро и нас для добра. Но вброшенные законом жизни в жерло суровых и тревожных опытов, мы переплавляемся; лучшая наша часть испаряется и улетает на воздух, и из недр этой роковой лаборатории мы выходим такими же железными, холодными эгоистами, как и другие, для чего? Чтоб презрением к жизни купить менее печальную разлуку с нею. Как же изумитесь вы, когда вдруг неожиданно встретите человека с умом, вкусившим от горьких плодов знания, человека, столько видевшего и столько испытывавшего, что ему было бы стыдно утешать себя возможностью того, чего нет и не бывает; как же вы изумитесь, говорю, когда этот человек станет перед вами в полной крепости всех утешительных истин, и с неостывшею, жаркою любовью к людям, к искусству, к науке, как будто бы опытная мудрость не положила никаких язв на его сердце! Так изумились бы вы, увидев Германа в седине лет и опыта, и в юношеской свежес-

сти всех возвышенных убеждений. Основною идеей его нравственной системы, кажется, было равновесие сил и начинаний: над этою внутреннею экономией он трудился, как художник, стремясь увенчать свои усилия спокойствием духа во всех обстоятельствах и изменениях жизни. Чего стоило ему осуществление этой высокой мысли, о том мог бы сказать только он сам. Практическое разрешение таких нравственных задач, конечно, сопряжено с тяжкими внутренними борениями, и покупается ценою многих блестящих выгод жизни. Но он вкусил и плоды сего мудрого внутреннего законодательства. Всегда верный самому себе среди мелких текущих тревог жизни, неприметно изменяющих основные расположения нашей души, Герман являлся столько же могучим и спокойным среди открытой прямой битвы с судьбою. И когда она указывала ему две дороги: одну, ведущую к безусловному успеху, а другую - к благородному и незаслуженному страданию, он, не колеблясь, выбирал ту, где можно было потерять все, кроме чести. Хотите ли знать, какими внутренними силами обладает человек, наблюдайте его не тогда, когда он идет бодро навстречу злу неизбежному и со всех сторон его обхватывающему: это доблесть, но доблесть без искушения свободой; посмотрите лучше на него в то драматическое, роковое мгновение, когда ему предоставлен был выбор между тем, что благородно и гибельно, и между тем, что полезно и неблагородно. Многие ли со своими прекрасными качествами, со своею неукоризненною общественною репутациею, пройдут сквозь очистительный огонь так, чтоб их добродетель, которую все считали тверже адаманта, немножко не запятналась сажею, и не сделалась слишком мягкою и удобною для каких угодно переделываний! Испытание душевной силы огнем и железом, совершаемое судьбою, совсем не то, что ежедневная очистка требований чести и честности перед судилищем света. Но и в обыкновенном, ежедневном быту вся жизнь Германа была стройная и прекрасная система, где совесть, воля и разум гармонически решали трудную практическую задачу быть довольну самим собою и другими. Всегда прост и человечествен, он никого не обременял притязаниями своего самолюбия, и умел не смущаться от притязаний чуждого. Ему, как и всякому другому, случалось быть в неприязненных отношениях к другим; однакож можно было сомневаться, имел ли он неприятелей: он ни о ком не говорил дурно. Обладая обширным и глубоким знанием человека, Герман не слишком обольщался блестящими возгласами о бесконечном усовершенствовании его, о дивных успехах века и т. п.; но верил, что правосудие и теплое участие в судьбе подобных нам может быть в человеческом сердце возделано как одно из естественных его влечений. Подобное убеждение, выражаемое поступ-

ками, кажется, больше приносит чести человечеству, чем великолепное витийство людей, которые с таким жарким восторгом проповедывают о глубинах человеческой природы, об идеях великого и прекрасного и различных их проявлениях, не умея впрочем, сложить двух, трех порядочных дел в жизни, куда не вмешались бы самые мелкие расчеты своекорыстия, где не *проявлялась* бы самая презренная нищета и бессилие нравственное.

Герман любил беседу людей простых нравами и добродушных, или просвещенных без педантизма и насильственного глубокомыслия. В этих-то беседах, даже в последние года своей жизни, он умел разливать вокруг себя и назидание, и радость. Его обширные сведения, которые он умел обнаруживать без тонких школьных притязаний, его глубокое познание жизни и сердца человеческого, верный взгляд на всякое современное замечательное событие, его тонкость и обширность в соображениях, и, наконец, неизменная ясность ума с легкою игрою остроумия - все это была роскошь нравственная, удивительная в старце, роскошь, которую можно было изъяснить в нем только мудро художественным управлением самого себя. Герман был величайшим врагом всякого принуждения и лицемерства в идеях, словах и поступках: казалось даже, что он не очень заботился о внешних формах в образе жизни: но никто лучше его не понимал самых утонченных приличий истинного изящества. Предметы искусства он умел оценивать, как знаток, а в молодости своей он оказал блестящие успехи в живописи. В семействе его сохраняются две картины, писанные им масляными красками: они изобличают истинный талант. Владея вполне многими языками, он любил преимущественно говорить на русском; дух и богатство его он знал глубоко; хотя выговор его был и не совсем чист, но выражения были точны и живописны. Все русские замечательные писатели были ему известны; о Пушкине же, которого он понимал, может быть, гораздо лучше многих из наших критиков, он всегда говорил с особенным глубоким уважением.

Герман был крепкого сложения; в последние годы его начала беспокоить подагра, которая, обратившись в грудь, наконец, сразила его. За две недели до кончины он присутствовал еще на экзаменах в Смольном монастыре и распоряжал всеми делами по своей должности. Он оставил свой общественный пост только тогда, когда смерть взяла его, так сказать, за руку, чтобы отвести на место вечного успокоения. С неизменным спокойствием встретил он убеждение в близости рокового часа; с полною крепостию и с высоким Христианским благоговением, приобщаясь Св. тайн, он умер 19 декабря 1838 года, точно так, как жил: мудрецом, человеком и Христианином.